

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

Последняя электричка

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Последняя электричка / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Подмосковные вечера. Детективы о послевоенном уголовном розыске).

ISBN 978-5-04-243417-4

Апрель 1950 года. Подмосковье. На железнодорожной насыпи с ужасающей периодичностью находят тела — одно за другим. Основная версия — все они пассажиры и смерть настигла их в поездах.

ШЕСТЬ ЖЕРТВ ЗА МЕСЯЦ.

Следователь Аркадий Никитин обнаруживает в карманах убитых только лишь билеты дальнего следования с оторванными датами. Но что, если билеты — это не маршрут, а...

ЛОЖНЫЙ СЛЕД.

Помощник Никитина, лейтенант Орлов, уверен: преступник среди проводников. Никитин не согласен — он чувствует, что убийца ближе, чем кажется, что он ездит обычными вечерними пригородными поездами, дышит тем же воздухом вокзалов, знает каждый полустанок между Серпуховом и Москвой. И что самое страшное —

ОН ЕЩЕ НЕ ЗАКОНЧИЛ.

Подозрение падает на проводницу Анну, которая явно испытывает симпатию к Никитину. Ревнивая жена следователя Варя наносит один-единственный визит — и женщина исчезает. Пока следователи ищут и спорят, убийца опять смотрит на блестящую от дождя платформу, выискивая нового попутчика, для которого следующая остановка может стать

ПОСЛЕДНЕЙ.

И главный вопрос уже не «кто убийца?», а...

КАК ОСТАНОВИТЬ ПОЕЗД, КОТОРЫЙ МЧИТСЯ В АД?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шарапов В., 2025
ISBN 978-5-04-243417-4 © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ПРЕДИСЛОВИЕ

1950 год. Подмосковье. Апрель

Раннее утро окутало железнодорожную насыпь холодноватым туманом. В воздухе стоял сырой запах талого снега и прошлогодней листвы. Путевой обходчик Григорий Семенович Шубин, плотный мужчина в ватнике и сапогах, шагал размеренно, постукивая молотком по рельсам. Его фонарь, тускло мерцая, выхватывал из темноты шпалы, гравий, ржавые болты.

Вдруг он остановился. На откосе насыпи, в метре от путей, темнела неестественная фигура. Григорий Семенович нахмурился, подошел ближе и наклонился.

— Батюшки...

На мокрой земле лежал мужчина. Лицо его, бледное и неподвижное, было обращено к небу. Глаза открыты, будто с удивлением вглядывались в предрассветную мглу. Темное пальто раскинулось как крылья, одна рука неестественно вывернута. Возле головы — темное пятно, сливающееся с землей.

Григорий Семенович резко выпрямился, сердце застучало гулко и часто. Он оглянулся — вокруг ни души, только редкие фонари вдоль путей мигали в тумане.

— Не иначе как убитый... — прошептал он и, не раздумывая, зашагал быстрее, почти бегом.

Через десять минут он уже стучал в дверь будки смотрителя переезда Ткачева.

— Федор! Открывай, дело срочное!

Дверь со скрипом отворилась, на пороге показался сонный крепкий мужчина в подтяжках и фуфайке.

— Чего ты, Гриша, в такую рань?

— Труп на путях! — выдохнул обходчик. — Надо милицию вызывать!

— Труп? — Федор нахмурился. — Нехорошо... Непорядок...

Он подошел к телефону на стене. Пока он крутил рычаг и терпеливо объяснял в трубку, зачем ему нужен наряд, Григорий Семенович стоял у двери, сжимая фонарь. В голове мелькали мысли: как бы проблем не возникло. Начальство скажет, что на вверенном участке бардак творится, людей убивают.

А за окном меж тем занимался новый день. Туман медленно рассеивался, и где-то вдаль, за лесом, уже слышался гудок паровоза.

ГЛАВА 1

ПРОБЛЕМЫ В СЕМЬЕ

Керосиновая лампа бросала неровные тени на стены маленькой комнаты. Аркадий сидел за столом, разложив перед собой папки с делами, но взгляд его был устремлен на Варю. Она стояла у окна, обхватив себя руками, и смотрела на темный двор.

— Мне уже двадцать три, Аркаша, — тихо сказала она, не оборачиваясь. — Все мои подружки давно замужем. У Лидки уже двое детишек.

Никитин отложил ручку и потер виски. Левая нога ныла — к дождю.

— Варенька, мы же говорили об этом...

— Говорили, говорили! — Она резко повернулась к нему. — Год говорим! А толку никакого.

Аркадий встал, прихрамывая, подошел к ней.

— Посуди сама. Живу в коммуналке, в комнате восемь квадратных метров. Соседи за стенкой — семья Ковалевых с тремя детьми. ■

На кухне — очередь с утра до ночи. Какая тут семья?

— А что, будем ждать, пока нам отдельную квартиру дадут? — В голосе Вари звучала горечь. — До старости прождем!

— Не до старости. Работаю хорошо, начальство ценит. Через год-два...

— Год-два! — Варя всплеснула руками. — А если через год-два найдешь новые отговорки? Служба, мол, не позволяет, дела важные!

Никитин сжал кулаки. Заноеет сейчас про службу — и не остановишь.

— Это не отговорки. У меня сейчас такой завал на работе... Убийства, Варя. Людей убивают, а я должен думать о свадьбе?

— Должен! — Она шагнула к нему. — Потому что жизнь не стоит на месте! Потому что я хочу детей, пока молодая! Понимаешь — хочу!

— При чем тут дети? — Аркадий провел рукой по волосам. — Какие дети в такой тесноте? Ребенок заплачет ночью — весь дом на уши поставит. А соседи что скажут?

Варя смотрела на него долго, и в глазах ее медленно гасла надежда.

— Значит, дело не в квартире, — произнесла она тихо. — Дело в том, что ты просто не хочешь на мне жениться.

■ — Что за глупости!

— Никакие не глупости! — Голос ее сорвался. — Если бы хотел, давно бы женился! И в коммуналке, и в подвале! А ты все причины ищешь!

— Варя, успокойся...

— Не буду я успокаиваться! — Она отвернулась к окну. — Два года я жду как дура. Все думаю — вот-вот решится. А ты... ты просто боишься ответственности!

Аркадий почувствовал, как в нем поднимается злость. Усталость от бесконечных дел, от боли в ноге, от этих разговоров.

— Боюсь? — Он шагнул к ней. — Я полгорода от бандитов очищаю, каждый день рискую, а тут — боюсь?

— На работе ты герой, а дома — трус! — Варя повернулась к нему, и лицо ее было мокрым от слез. — Боишься, что жена тебя стеснит, что дети помешают карьере!

— При чем тут карьера? — Никитин стукнул кулаком по столу. — Я работаю, а не делаю карьеру! Люди от меня помощи ждут!

— А я что — не человек? — Варя схватила с кровати платок и накинула на плечи. — Я тоже жду! Только мне никто не поможет!

Она направилась к двери.

— Варя, куда ты?

— На кухню! — бросила она через плечо. — Буду спать на табуретке! Может, хоть тогда тебе станет просторнее!

Дверь хлопнула. Аркадий остался один. За стеной негромко заплакал ребенок Ковалевых. Никитин опустил на кровать и устался на папки с делами.

Через тонкую стену слышно было, как Варя возится на кухне, устраиваясь на ночлег. Соседка Федосья Петровна что-то ворчала — видимо, недовольна поздним шумом.

Аркадий лег не раздеваясь и долго смотрел в потолок. Где-то далеко гудел поезд.

Никитин выдержал минут десять. За стеной плакал ребенок Ковалевых, за дверью слышалось сердитое бормотание Федосьи Петровны, а в голове крутились Варины слова: «трус», «боишься ответственности».

Он резко поднялся с кровати, схватил шинель и фуражку. Ключи зазвенели в кармане, когда он рывком распахнул дверь.

На кухне горела тусклая лампочка. Варя лежала на двух придвинутых табуретках, укрывшись собственным пальто. Лица ее не было видно — отвернулась к стене.

— И куда это ты собрался? — проскрипел голос Федосьи Петровны из-за двери. — Ночь на дворе!

Никитин не ответил. Хлопнул входной дверью и выскочил на лестницу.

Дождь моросил с самого вечера, и теперь московские улицы блестели под редкими фо-

нарями. Апрель в этом году выдался промозглый, по-зимнему злой. Аркадий шагал, не разбирая дороги, хромота от быстрой ходьбы усиливалась, но он будто специально налегал на больную ногу.

«Трус, значит, трус... — бормотал он себе под нос. — На войне не струсил, а тут...»

Свернул в переулок, потом в другой. Здесь район после войны подчистили малость, но все равно оставались места, куда порядочные люди по ночам не ходили. Покосившиеся домишки, провалившиеся подворотни, груды мусора.

У полуразрушенного сарая мелькнул огонек. Никитин остановился, прислушался. Голоса, тихий смех. Подошел ближе.

Возле костра из досок и тряпья сидели трое мужиков. Лица небритые, одежда — что бог послал. Один — явно бывший фронтовик, без левой руки, гимнастерка латаная-перелатаная. Второй помоложе, но уже беззубый. Третий — старик в засаленной куртке.

— О, начальство пожаловало! — хмыкнул однорукий, заметив фуражку. — Заблудился, товарищ майор?

Никитин стоял в двух шагах от костра, чувствуя, как дождь стекает с козырька фуражки.

— Не заблудился, — сказал он хрипло. — Просто идти некуда.

Бродяги переглянулись. Беззубый фыркнул:

— Как это некуда? У тебя же квартира есть, работа...

— Есть, — Аркадий снял фуражку, стряхнул с нее воду. — А идти все равно некуда.

Однорукий пристально посмотрел на него и кивнул старику:

— Дядя Паша, налей товарищу. Видишь — человек мокрый.

Старик протянул помятую алюминиевую кружку. Пахло самогоном и чем-то еще — дегтем, что ли.

Никитин сел на какой-то ящик рядом с костром и выпил залпом. Обжег горло, но стало легче.

— С женой поругался? — участливо спросил беззубый.

— Не с женой. С... — Аркадий осекся, налил себе еще. — С девушкой.

— А-а, — понимающе протянул однорукий. — Замуж хочет?

— Хочет.

— И чего не женишься? — Старик ткнул палкой в угли. — Девка-то хорошая?

— Хорошая.

— Любишь?

Никитин помолчал, глядя на пляшущие язычки пламени.

— Люблю.

— Ну и дурак, — заключил однорукий. — Я бы на твоём месте...

— На моём месте ты бы не был, — перебил Аркадий. — У меня комната — восемь метров. Коммуналка. Соседи. Работа такая, что домой не попадаешь неделями.

— Да ну тебя, — махнул рукой беззубый. — У меня до войны вообще угол был. В подвале. А жену завел — и ничего, жили.

— Где она теперь? — спросил Никитин.

— Убило. В сорок втором.

Помолчали. Дождь барабанил по крыше сарая. Где-то вдалеке прозвучал милицейский свисток.

— А знаешь что, товарищ майор, — сказал старик, подбрасывая в костер сырую доску. — Я вот всю жизнь прожил — детей не завел, не женился толком. Все думал — вот устроюсь получше, вот заработаю... А теперь сижу один у костра и думаю: эх, дурак был.

Однорукий кивнул:

— Правильно дядя Паша говорит. На войне-то как было? Сегодня живой, завтра убитый. А ты все планы строишь.

Никитин допил самогон и встал. Голова кружилась.

— Спасибо, мужики. За выпивку. И за разговор.

— Да иди ты домой, — посоветовал беззубый. — И миришься с девкой. А то таких начальников, как ты, полно. А девок хороших — раз-два и обчелся.

Аркадий надел фуражку и пошел прочь от костра. За спиной слышал:

— Точно домой пошел?

— Домой, — ответил он, не оборачиваясь.

Но до дома было еще далеко. И дождь все не кончался.

ГЛАВА 2

СРОЧНЫЙ ВЫЗОВ

Звонок в дверь прорезал утреннюю тишину коммуналки резко и настойчиво. Варя вздрогнула, подняв голову с табуретки, на которой провела остаток ночи. Шея затекла, в спине ломило.

Звонок повторился — длинный, требовательный.

— Да кто же это так рано? — проворчала Федосья Петровна, шаркая по коридору в валенках.

— Я открою, — быстро сказала Варя, накидывая пальто на плечи.

За дверью стоял младший лейтенант Орлов — молодой, подтянутый, в аккуратной отглаженной форме. Увидев Варю, он снял фуражку:

— Извините за беспокойство. Товарищ Никитин дома?

— Нет, — Варя опустила глаза. — А что случилось?

Орлов помялся на пороге.

— Служебное дело. Срочное. Можно подождать?

— Проходите.

В комнате Аркадия было холодно и пусто. Постель не тронута, на столе разбросаны папки с делами. Орлов окинул взглядом обстановку — все понял сразу.

— Когда он ушел? — спросил он тихо.

— Ночью, — Варя села на край кровати. — После... после ссоры.

— Понятно.

Орлов подошел к окну, заглянул во двор. Там у подъезда стоял грузовик с брезентовым верхом, виднелись милицейские фуражки.

— Долго ждать не могу, — сказал он, поглядывая на часы. — Вызов срочный. Под Подольском на железнодорожной насыпи нашли труп. Следственная группа уже собрана, ждут только Аркадия Петровича.

— А если он не вернется?

— Вернется, — уверенно сказал Орлов. — Он же не дезертир. Просто... выпить пошел, наверное.

Варя вздрогнула.

— Аркаша уже три месяца не пьет.

— Все мужики пьют, когда им плохо. — Орлов надел фуражку. — Извините, что потревожил. Передайте ему: дело серьезное, убийство. Пусть догоняет нас в Подольске, в отделении местной милиции. Я его подстрахую, представлюсь следователем Никитиным. Иначе ему здорово попадет, если начальство узнает, что на труп следователь не выехал.

Он направился к двери, но на пороге остановился и обернулся:

— Варвара... как вас по отчеству?

— Андреевна.

— Варвара Андреевна, — Орлов помялся, подбирая слова. — Я Аркадия Петровича два года знаю. Хороший следователь, честный человек. И вот что скажу: до вас он по ночам не шатался неизвестно где. Домой приходил вовремя, иногда ночевал в своем кабинете. Значит, и вы для него не безразличны.

Варя подняла на него удивленные глаза:

— С чего вы это взяли?

— А с того, что, когда человеку все равно — он себя не мучает. А ваш Аркадий себя мучает. И вас тоже, выходит.

Во дворе загудел мотор грузовика.

— Мне пора, — Орлов коротко кивнул. — До свидания. И... не сердитесь на него сильно.

■ Работа у нас такая — нервы на пределе.

Варя проводила его до двери и долго стояла в коридоре, слушая, как затихает за окном рокот мотора.

Федосья Петровна высунулась из своей комнаты:

— Что, милиция приходила? А где Аркадий-то?

— Не знаю, — тихо ответила Варя. — Не знаю, тетя Феня.

И вернулась в его комнату — ждать. Она долго сидела на диване, глядя на дверь, которая захлопнулась за ним. Время словно остановилось в этой гулкой тишине, которая повисла после его последних слов.

Сердце колотится так, будто пытается выскочить из груди, а в горле стоит комок — из тех, что не проглотить и не выплюнешь. Руки трясутся, и она прижимает их к груди, пытаюсь унять эту дрожь, что расплзается по всему телу.

Надо было промолчать — первая мысль. Не надо было говорить про детей. Не напоминать ему про возраст. Не...

Но почему всегда она должна молчать? Почему всегда она виновата? Злость вспыхивает и тут же гаснет, уступая место страху. Куда он пошел в такую темень? По городу бродят всякие... А если с ним что-то случится? Если он не вернется?

Она подходит к окну, раздвигает шторы. Двор пуст, только фонари качаются на ветру. Где-то там, в этой апрельской ночи, бродит человек, которого она любит больше жизни. И который сейчас, наверное, проклиная ее на чем свет стоит.

А может, и не проклиная, — шепчет надежда. — Может, тоже жалеет о сказанном.

Но этих «может быть» так мало среди океана «если бы». Если бы она сдержалась. Если бы он не был таким упрямым. Если бы они умели говорить, а не кричать.

А пока она будет ждать у окна, считая шаги прохожих и вздрагивая от каждого звука в подъезде. Будет ждать и думать о том, что любовь — это не только про счастье. Иногда это про то, как больно может быть одной в комнате, где еще час назад они были вдвоем.

ГЛАВА 3

ТРЕТИЙ ВАГОН

В апрельских лесах под Москвой всегда что-то не так. Слишком много звуков для мертвой тишины, слишком много запахов для чистого воздуха.

Младшему лейтенанту Орлову влажный аромат перегоня напоминал о том, как быстро земля поглощает следы. Талая вода журчала

где-то в стороне, смывая с прошлогодней листвы все, что зима не успела скрыть. Но лес никогда не отдает своих секретов просто так.

Скворцы кричали слишком пронзительно, как будто предупреждали о чем-то. А между голыми стволами, где солнце высвечивало каждую мелочь, скрывалась тайна.

Запах набухающих почек смешивался с чем-то еще — едва уловимым, но знакомым. Слишком знакомым для человека его профессии.

Грузовик остановился возле железнодорожной насыпи, где уже толпились районные оперативники. Орлов спрыгнул на землю, opravил фуражку и зашагал к месту происшествия, стараясь держаться с достоинством старшего по званию.

Тело лежало на склоне насыпи головой вниз. Мужчина лет пятидесяти в расстегнутом сером пальто, волосы взъерошены, на затылке темное пятно запекшейся крови.

— Кто здесь старший? — спросил Орлов, подходя к группе милиционеров.

— лейтенант Цокаль, — откликнулся худощавый блондин. — А вы кто будете?

— Следователь майор Никитин, — не моргнув глазом соврал Орлов. — Что имеем?

Цокаль козырнул:

— Тело обнаружил в шесть утра путевой обходчик Шубин Григорий Семенович. Вот ■

он, — кивнул на пожилого мужичка в железнодорожной форме. — Врач уже осматривал.

К Орлову подошел тощий и сухой, как вобла, доктор в очках.

— Смерть наступила, предварительно, между десятью вечера и часом ночи, — доложил он. — Удар тяжелым предметом по голове. Других повреждений пока не обнаружил.

— Понятно. — Орлов достал блокнот, чтобы выглядеть более убедительно. — Свидетель, подойдите.

Шубин приблизился, крутя в руках железнодорожную фуражку.

— Я тут каждое утро прохожу, порядок проверяю, — затараторил он. — Смотрю — лежит человек. Думал, пьяный, а потом кровь увидел...

— Хорошо. Больше ничего не заметили? Следов, каких-то предметов?

— Да нет, товарищ майор. Ничего такого.

Орлов подозвал двух милиционеров в качестве понятых и присел возле тела. Методично обыскал карманы пальто — пусто. Карманы пиджака — тоже. В брючном кармане нащупал что-то.

— Есть, — он извлек железнодорожный билет. — Поезд Симферополь—Москва, вагон третий, место сорок семь.

■ Цокаль заглянул через плечо:

— Значит, ехал из Крыма?

— Очевидно. — Орлов поднялся, отряхивая колени. — И его выкинули из поезда. Смотрите: лежит головой вниз по склону — значит, тело летело с высоты движущегося состава.

— А деньги и часы?

— Ограбили перед тем, как выкинуть. Классическая схема, — Орлов почувствовал себя опытным сыщиком. — Лейтенант Цокаль, немедленно свяжитесь с железнодорожной милицией. Нужно задержать бригадира поезда Симферополь—Москва и проводника третьего вагона. Допросить всех, кто работал в ту смену.

— Слушаюсь, товарищ майор!

Цокаль побежал к милицейской машине. Орлов остался возле тела, чувствуя удовлетворение. Дело казалось простым и понятным — обычное ограбление в поезде дальнего следования. Пассажир ехал из Крыма, видимо, с деньгами или ценностями. Преступники его ограбили и выбросили из вагона.

— Доктор, когда вскрытие? — спросил он.

— Завтра с утра. Протокол пришлю в ваше отделение.

— Хорошо. Тело можно увозить.

Орлов достал из кармана папиросы, закурил и посмотрел на железнодорожные пути. Где-то там, в Москве, Аркадий Петрович Ни-

Никитин спит после ночной попойки, не подозревая, что его подчиненный уже практически раскрыл убийство.

«К вечеру все и закончится, — подумал младший лейтенант. — Поймаем проводника с бригадиром, они сознаются, кто убивал. А Никитин спасибо скажет, что я дело без него практически раскрыл».

Он затянулся папиросой и улыбнулся. Хорошо быть самостоятельным следователем.

ГЛАВА 4

ВЕЩДОК

Никитин появился в отделении к десяти утра, бледный и осунувшийся. Голова раскалывалась от вчерашнего самогона, но держался он с достоинством. Орлов уже ждал в кабинете, сияя от гордости.

— Аркадий Петрович, дело практически раскрыто! — начал он с порога. — Обычное ограбление в поезде. Жертва ехала из Симферополя, место сорок семь, третий вагон. Преступники его ограбили и выкинули из состава.

Никитин опустился в кресло, потер виски.

— Покажи билет.

Орлов полез в карман, потом в другой, затем в папку с документами.